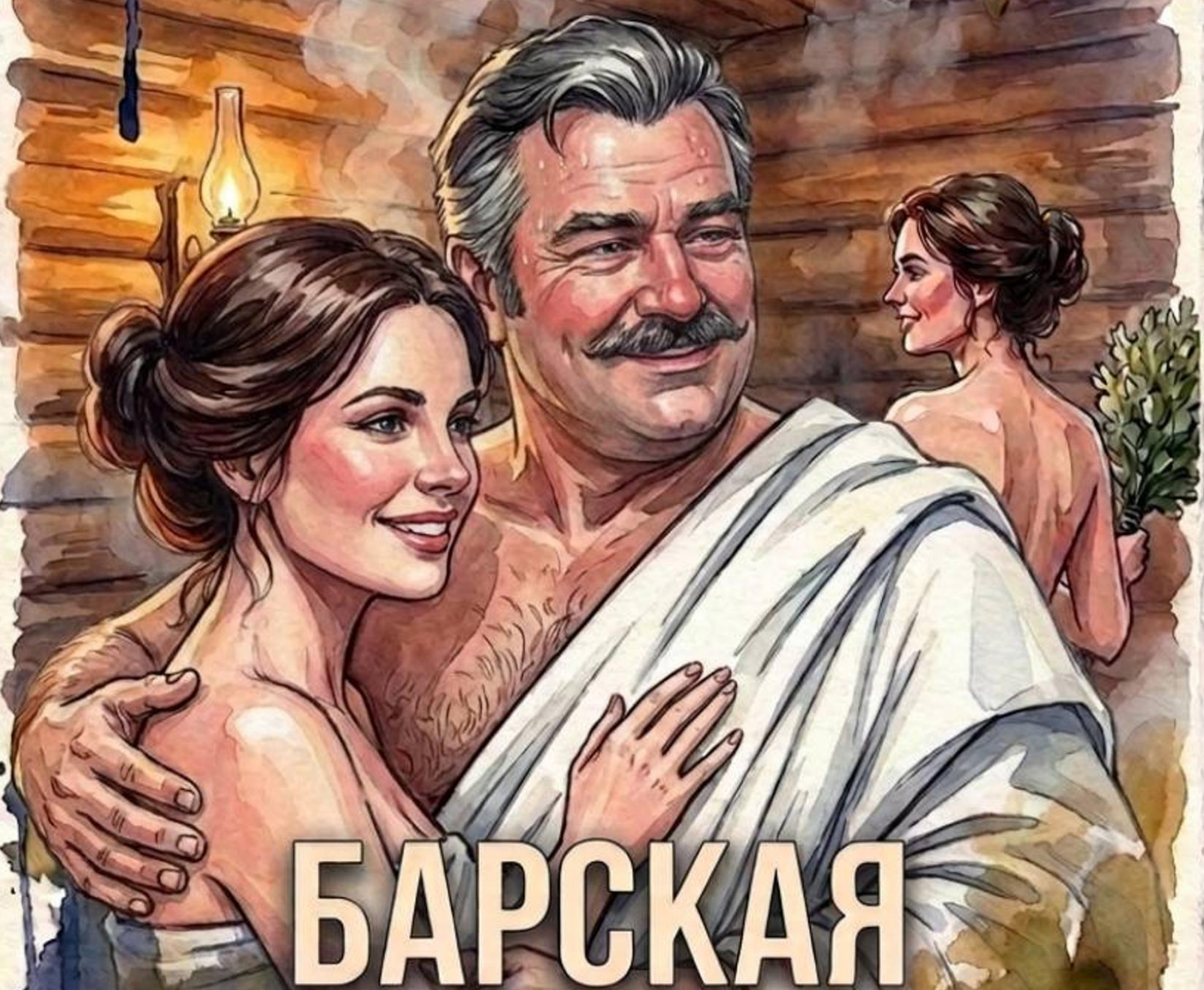

ПОСТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

эротические новеллы 1848–1861

БАРСКАЯ БАНЯ

Александр Гордин

18+

ПОСТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Александр Гордин

**Барская баня | Постель
Российской Империи**

«Автор»

2026

Гордин А.

Барская баня | Постель Российской Империи / А. Гордин —
«Автор», 2026 — (ПОСТЕЛЬ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

Эротическая новелла 18+ из цикла «Постель Российской империи»: Барин кличет в баню сразу троих. На Троицу. Когда двор ещё пляшет у крыльца, а у ключницы Марфы на бедре звякает связка ключей. Но каменка гудит. Веники пахнут берёзой. Предбанник уже жарок. Холстина липнет к спине. Вода стечёт по шее и груди. Рубахи снимут сами. Ключи упадут на пол — и этот звук будет непристойнее наготы. Илье Черкасскому пятьдесят четыре. Он вдовец, усадьба его круглый год. Ему хочется, чтобы девки пришли сами. Чтобы сели сами. Чтобы пар бежал по груди, а мокрые, пахнущие листом, не отворачивались — смотрели. Чтобы держал троих до утра и мог сказать: ни одна не осталась внакладе. За дверью — полок, мокрый стол, прачка Пелагея, что не прячет глаз, Ульяна, которой нужна отпускная, и хозяин, которому не отказывают. За сенями — двор. Под окна ходить нельзя. Барская баня. Усадебная эротика 1861 года. Цикл «Постель Российской империи».

© Гордин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Новелла из цикла «Постель Российской Империи»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Александр Гордин

Барская баня | Постель Российской Империи

Новелла из цикла «Постель Российской Империи»

За окном третьи сутки выла февральская вьюга. Тракт между Москвой и Нижним пропал — одна слепая белизна до леса. На Волчьей почтовой станции лошадей не давали. Подорожные лежали в ящике у смотрителя. В зале для проезжих пахло мокрой овчиной, махоркой и самоваром, к которому все присаживались в который раз и уже не от жажды.

Илье Савельевичу Черкасскому было пятьдесят четыре. Плечи ещё держали ротмистрскую выправку, хотя под жилетом тяжелело брюшко. У печи он слушал, как купец первой гильдии Савва Анисимович Локтев, лет за сорок, спорит с отцом Филаретом, подпишет ли государь Высочайший манифест об освобождении крепостных или не подпишет.

— Земли-то нашими и останутся, — заверил Черкасский, не оборачиваясь. — А души — поглядим.

Поручик Ржевский, двадцати семи, вертел в руках остывший стакан. Аграфена Михайловна, жена смотрителя, разлила чай и осталась у самовара.

— Вот вы, Илья Савельевич, — сказал Ржевский. — Усадьба круглый год, крепостных душ, видать, немало. И девок, стало быть, тоже. Попользовали уж всех, должно быть?

Отец Филарет поперхнулся.

— Поручик! Такое и наедине с собой грешно помыслить, а уж вслух, при сане моём, — грешно вдвойне.

Аграфена потупила глаза. Черкасский разгладил усы двумя пальцами — старая эскадронная привычка, въевшаяся крепче любого устава.

— Ну не всех, поручик. Полноте! Только красулей. Да иной раз они и сами лезут. В усадьбе это дело обыденное.

— Будет скромничать. У вас небось история, что и гусару покраснеть.

— А как же. Расскажу-ка я вам такую, что и иной гусар позавидует!

Отец Филарет перекрестился и покачал головой.

— Побойтесь Бога, Илья Савельевич. Час от часу не легче.

Черкасский откинулся на спинку стула и глянул на попа.

— Поздно, батюшка. Уж спросили.

Он расставил ноги пошире, как сидел когда-то в полковой столовой, отпил чаю и заговорил — неторопливо, с удовольствием человека, которому есть что показать.

— Так вот, поместье у меня не из последних: поля, винокурня, псарня, конюшня. Триста душ мужского пола, если по ревизии. Дворовых из них двадцать: ключница, кухарка с девками, прачка, кучер, конюхи, псари, садовник, мальчишки на побегушках. Содержу всех преотлично, по праздникам кормлю дворню досыта, выкатываю брагу бочками, к Рождеству — по штофу на избу. Оттого и слушают охотно. Но прошлая Троица особенно удалась. Сидел на крыльце с вишнёвой наливкой, глядел на хоровод — и решил тогда выбрать сразу троих. Не самых покорных, поручик, — самых сладких!

Он умолк и поднёс чашку чая к губам, не выпив, будто и в зале ещё чувствовал вкус той вишнёвой наливки. Зала отступила беззвучно, как отступает берег из-под лодки, и в памяти его, ясно и разом, встала прошлогодняя Троица.

* * *

Жара стояла ровная, как после обедни. Двор пах мятным чаем и летней пылью, от кухни тянуло пирогами, в сенях висели берёзовые веники.

Он знал своих дворовых не по имени только: у которой родинка под лопаткой, у которой дыхание сбивается, когда обнимешь крепче. В кругу хоровода — Марфуша, ключница, фартук на ней сидит ту же, чем на молодухах, грудь высокая, сквозь холстину видна вся.

Марфа выскочила из круга, поправила мокрый у виска платок и подбежала к крыльцу.

— Илья Савельевич. Стол накрыт, самовар кипит в третий раз уж!

Он глянул мимо неё, в сад. У кухонного крыльца, привалившись плечом к столбу, стояла, пытаясь отдышаться от дикой пляски, Пелагея — платье на ней липло к спине. Прачка, вдова, лет двадцати пяти, белолицая, с тёмным тугим узлом волос на затылке. Двора нет, покойный муж задолжал лавке за сукно. Теперь Пелагея жила при его котле. Глаза светлые, не прячет — интересно!

На садовой скамейке, в тени, — Ульянка. Лет двадцати, тонка в поясе, а там, где сарафан брал грудь, ткань уже сходилась вовсе не по-девичьи. Муж по весне ушёл на заработки под Тулу — он отпустил мужика на словах, бумагу оформить недосуг было. Мальчишка остался у матери. Без казённого отпускного билета мужика в любой день могли взять за беглого. Вот ей и нужна была отпускная для мужа. Она на барина почти не смотрела. Он решил: застенчива.

— К закату, — сказал он Марфе, всё ещё глядя не на неё. — Ты, Поля и Улька. Сначала сами, с хоровода, сходите в баньку. Потом мне веники и воду. И остальному двору под окна баньки не шастать. Поняла?

Марфа глянула в сторону кухни, скамейки, поклонилась ему — и побежала назад в круг.

Вечером он пошёл к бане. Каменка новая. Девки уже стояли у предбанника: Марфа впереди, ключи тяжелили бедро; Пелагея с кумачовым платком; Ульяна в новых котах, подол облепил икру.

Он прошёл вдоль них, как вдоль своей кладовой. Марфе крутанул сквозь холстину сосок — стан качнулся, без слова. Пелагею взял под грудь, подол поднял до колена, глянул, провел ладонью, довольно крикнул и опустил. Ульяне приподнял подбородок и посмотрел в глаза: она моргнула часто, будто хотела отвернуться, как весь день отворачивалась, — да не отвела взгляда, и в этом было больше согласия, чем в любом слове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.